

К 100-летию Русской Зарубежной Церкви - блаженнейший митрополит Антоний (Храповицкий) – великий русский пастырь XX века

Понятие о пастырском служении, как специальном предмете Пастырского Богословия (в дальнейшем ПБ), дается библейским лексиконом в самом слове пастырь. В Ветхом Завете понятие передается по-еврейски словом “гое”, то есть клонить, нагибать, иметь склонность к чему-либо, искать; оно означает внимательно следить и ухаживать за стадом (Пс. XL, 11), управлять людьми (Пс. LXXVII, 71), поучать и наставлять (Иер. 3, 15), отсюда – пастырь, наставник (Екклез. 12, 11). В главе 34 книги Иезекиля, стихи 15–16, Адонаи-Господь говорит: “...погибшее взыщу и заблудшее обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укреплю, и крепкое снабдю и упасу я с судом”.

В Новом Завете древнему “гое” соответствует греческое “poimín”, что означает кормить и защищать стадо мелкого скота. Так, в 10-ой главе (стихи 3, 4, 11) Евангелия от св. апостола Иоанна добрый пастырь называет своих овец по имени, зная голос, они идут за ним, и пастырь самоотверженно трудится для их благополучия и безопасности, ради всех и ради отдельной единицы, если заблудилась в пустыне (Лк. 15, 4-7), ушла в страну далече (стихи 11-32) или пропала (стихи 8-10, ср. с Мф. 18, 12-14).

Наиболее важными евангельскими примерами Господа нашего Иисуса Христа относительно пастырской деятельности принято считать притчу о добром Пастыре, притчу о заблудшей сотой овце, наставления апостолам в нагорной беседе и при отпущении их на проповедь, избличения фарисеев, прощальную беседу и молитву Божественного Учителя о Своих учениках. Затем, в Священном Писании подобное же пастыреводительное значение имеет одна глава у Иеремии (23) и у Иезекииля (24), прощальная речь святого апостола Павла к пресвитерам Эфеса (Деян. 20, 17) и его послания к Тимофею и Титу. Пастырская деятельность святого апостола Павла отличает данную науку от других (Деян. 20, 28, 29), и святой апостол Петр называет Христа пастырем и блюстителем душ (1 Пет. 2, 25), а святой отец Церкви Григорий Богослов определяет сферу пастырской деятельности, называя ее душепопечением. Митрополит Антоний (Храповицкий) определил предметом ПБ изъяснение жизни и деятельности пастыря, как служителя совершаемого благодатию Божию духовного возрождения людей и руководителя к духовному совершенству. И если в этой связи иметь в виду, что в России долгое время Церковь указывала идеалы, а государство обеспечивало для русского народа условия к стремлению и самой реализации идеалов на практике, тогда, возможно, такая статья была бы интересна и так называемой “русской элите”,

на которую возлагается такое тяжелое (хотя некоторые и относятся к такому бремени легкомысленно) бремя стратегического управления русским государством[1].

* * *

Руководственной идеей библейского пастыреводства митрополита Антония является идея снисхождения до настроения пасомых, или обращаемых, та идея, которая придает единство всем приведенным выше евангельским повествованиям. Так, слова Христовы «вы свет мира, вы соль земли» сейчас же сопровождаются указанием на то, что зажечь свечу еще мало для освещения горницы, а необходимо такую свечу поставить на свещник. Сопоставляя с вводными словами к наставлению апостолам, посланным Спасителем на проповедь, такая задача для пастыря, по митрополиту Антонию, становится более чем ясной. Господь сжалился, что люди были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. И вот Он не ожидает, чтобы овцы сами пришли к Нему, а за ними вслед посылает апостолов: «...молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою». В этих словах, как и в словах Господа о постановлении свечи на стол в комнате, владыка указывает на ту мысль, что пастырю недостаточно иметь высокое настроение духа и знание веры, но необходимо еще некое движение к людям, некое вхождение в круг их понятий, следование за ними по распутьям жизни, чтобы оттуда собрать их на Христову пажить (ниву)[2]. Эти слова Христа Спасителя, относящиеся к апостолам, просветителям язычников, относятся ко всем пастырям Церкви, говорит митрополит, и, конечно же, ко всем, кто имеет отношение к формированию русской мысли. Сам Господь дает ясно понять, что вхождение в понятия и жизнь людей не есть только дело миссионеров, но и всех нравственных руководителей духовной семьи. Он грозно изобличает фарисеев за то, что они, обойдя море и сушу, дабы обратить хотя бы одного человека и затем, возложив на него тяжкие бремена, сами не хотят и пальцем подвинуть и, таким образом, являются виновными в том, что человек тот становится сыном геенны, хуже них самих. Кажется, что такое положение и сейчас актуально на территории России. Цель данной статьи рассмотреть пастырское богословие митрополита Антония, прежде всего показывая его как деятельное богословие, надеясь, что читатели обратят внимание на такой опыт для построения будущих русских идейно-логических моделей.

Деятельность митрополита Антония можно весьма условно разделить на три периода: академический период (около 12 лет, 1887-1899, Санкт-Петербург, Москва, Казань), архипастырское служение (18 лет, 1900-1918), когда он

служил во главе Уфимской, Волынской, Харьковской и Киевской епархий, третий период – первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей (около 17 лет, 1919-1936).

Необходимо заметить, что после оставления научной деятельности митрополит реализовывал ее практически в особенный период нашей страны; таким образом, она имеет актуальное значение и в настоящее время, и особенно для практического служения пастырей так называемого ближнего и дальнего зарубежья. Итак, главные труды митрополита Антония следующие.

1. «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности» (СПб., 1887; 2 изд., 1888, магистерская диссертация). Философско-антропологическая работа митрополита Антония, где он пишет о «политеизме законов природы», намекая на то, что в науке имеется своеобразное религиозное поклонение законам природы, и защищает теистическую доктрину. Он не боится говорить об имманентности Бога миру: «Представляя Бога имманентным миру, - пишет владыка, - мы приняли не самый пантеизм, а ту частицу правды, которая содержится в нем. Теизм перестает быть теизмом и становится пантеизмом не через внедрение Бога в мир, а через отрицание жизни в Боге»[3], когда начало жизни усваивается только миру, а Божество мыслится статически[4]. Митрополит Антоний подчеркивает односторонность «статической категории сущности»[5]; для него «Бог, оставаясь субъектом всех физических явлений, предоставил самостоятельное бытие субъектам явлений нравственных». Поэтому он характеризует свою позицию как «нравственный монизм», имея в виду, что свобода индивидуальных душ потому не нарушает единства бытия, что свобода присуща лишь «субъектам нравственных явлений», то есть существам, движимым любовью. Необходимо, по мысли митрополита, принять «учение об единстве человеческого естества, по причине которого (т.е. единства) одна личность может вливать непосредственно в другую часть своего содержания». Различение «естества» и «личности» в высшей степени важно для философии персонализма. В замечательных «статьях по пастырскому богословию», в которых так много общепhilosophических идей, митрополит Антоний, предвосхищая будущие построения С.Л. Франка, настаивает на том, что при духовном созревании человека «его личное “я” всегда и во всем заменяется “мы”». Владыка учит о возможности «упразднения незримого средостения, стоящего между человеком и человеком». По его учению, только в Церкви «другие “я” как “не-я” перестают быть противоположными мне, моему “я”»; и здесь свобода каждой личности совмещается вопреки пантеизму с метафизическим, единством их

бытия”[6]. Кроме того, митрополит Антоний подходит очень своеобразно к «динамической гносеологии», начатки которой заметны у И.В. Киреевского. Для митрополита «ослабление непосредственного противопоставления “я” и “не-я”... способно, по-видимому, видоизменять основные свойства человеческого самосознания». «Здесь-то и раскрывается истинный человеческий разум, доселе потемненный греховностью нашего падшего естества». «Отсюда следует, – заключает все рассуждение об этом митрополит, – что закон нашей личной обособленности есть закон не безусловный, не первоначальный, но закон сознания падшего»[7].

Митрополит Антоний, философское дарование которого явно выступает даже в таких кратких отрывках, не развивал своих идей в форме систем, но все же он заслуживает того, чтобы о нем наконец-то упомянули в истории русской философской мысли.

2. «Превосходство православия над учением папизма в его изложении Владимиром Соловьевым» (С-Петербург, 1890);
3. «Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого» (изд. 2, С-Петербург, 1891);
4. «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы» (изд. 2, Казань, 1898);
5. «Из чтений по пастырскому богословию» (Казань, 1896);
6. «Лекции по пастырскому богословию» (Казань, 1900);
7. «Возможна ли нравственная жизнь без христианской религии» (Казань, 1897);
8. «Значение молитвы для пастыря церкви» (Казань, 1897);
9. «Полное собрание сочинений» (Казань, 1900 и переиздано в С-Петербурге в 1913 году).

А также многие творения и статьи, такие как: «Беседа православного с униатом», Сремски Карловцы, 1922. «Словарь к творениям Достоевского», София, 1921. «Христос Спаситель и еврейская революция», Белград, 1922. «Опыт христианского православного катехизиса», Сремски Карловцы, 1924. «Догмат Искупления», Сремски Карловцы, 1926. «Учение Церкви о Святом Духе», Париж, 1926. «Исповедь», Варшава, 1928. «Творения апостола Иоанна

Богослова», Варшава. 1928. «Пушкин, как православный христианин», Белград, 1929. «Пособие к молитве», Новый Сад, 1950. «Новый подход к Ренану», Новый Сад, 1930. «Наш русский православный патриарх», Белград, 1923. «Примирение», Новый Сад, 1923. «Краткое пояснение допущенных видоизменений в опытной катехизисе», Сремски Карловцы, 1925. «Мольба ко всем Церквам Православным», Новый Сад, 1929. Румынский и французский переводы. «Православие и шовинизм», Новый Сад, 1930. «Избранные сочинения», Белград, 1935. «Мысли митрополита Антония, записанные П.С.Лопухиным», Сремски Карловцы, 1937.; Нью-Йорк, 1961. «Нравственная идея православных догматов». Нью-Йорк, 1963. «Достоевский, как проповедник возрождения», Нью-Йорк, 1965. «Учение о пастыре и об исповеди», Нью-Йорк, 1966. «Нравственное учение Православной Церкви», Нью-Йорк, 1967. «Слова, беседы и речи», Нью-Йорк, 1968. «Согласование евангельских сказаний о воскресении Христовом», Нью-Йорк, 1969. «Новый опыт учения о Богопознании», Нью-Йорк, 1969.

* * *

Своим человеколюбием митрополит Антоний, безусловно, творил чудеса с человеческими душами, воскрешал души для евангельской веры, для евангельского смирения, для евангельской жизни во Христе, хотя были и ошибки, о которых упоминали его критики[8].

Став через евангельские подвиги близким к Богу, митрополит Антоний привлекал к Богу, воодушевлял на евангельские подвиги, так как чем ближе человек к Богу, тем ближе он и к людям. Христоподобная Богочеловечность есть драгоценнейший дар православной России, всему человечеству. Россия такой дар, по словам ученика владыки, прославленного Сербской Церковью преподобного Иустина Цетинского, получила за свое смирение от Господа Христа, Который воплотился в Человека и тем показал Свою безграничную любовь. По словам святого Иустина Цетинского Сербского, если наше время имеет великого и святого проповедника, апостола и пророка религиозного вселенского церковного патриотизма, то это блаженный митрополит. По истолкованию пастыря, отдельные национальные патриотизмы имеют смысл и ценность лишь постольку, поскольку они черпают свой смысл и свою ценность из религиозного вселенского церковного патриотизма. Славянофильство, согласно митрополиту, - не расовое, не племенное шовинистическое, но православное и евангельское. Поэтому он во имя такого славянофильства зовет всех ко служению другим и к смирению пред Богом и людьми.

Славянофильство не является ценностью само по себе, но оно носитель и проводник Православия – это основная мысль не только Достоевского, но и митрополита Антония. Православие и есть то новое слово, которое славянство должно продолжать оглашать человечеству. Поэтому настоящие православные никогда не могут быть шовинистами.

Евангельский патриотизм Господа должно считать самой высокой ценностью своего народа и единственным истинным смыслом его существования. Ибо «что может заменить народу Господа Христа, – спрашивает блаженный митрополит, – разве Его может заменить ничтожное существование государства, которое лишено всякого разумного смысла, если оно основывается только на народном самолюбии и становится чуждым религиозной идеи? То уже не народ, но гниющий труп, который свое гниение считает жизнью. В действительности у него нет жизни, но живут на нем и в нем только одни кроты, черви и отвратительные насекомые, которые радуются тому, что тело умерло и тлеет, ибо в живом теле не было бы для них жизни, и они не могли бы удовлетворить свою жадность»[\[9\]](#).

То, что имеет значение для духовной жизни каждой личности в отдельности, то, собственно, и важно для народной, коллективной духовной жизни. Евангельские законы одни и те же в одном и в другом случае. Поэтому митрополит Антоний и говорит, что так же, как отдельная личность человека останавливается в своем развитии и становится пустой и пошлой, когда человек сам себя делает предметом своей деятельности, так и собирательная личность народа лишь в том случае достигает полного развития своих дарований, когда является не целью для себя, а средством для бескорыстного выполнения Божественных предначертаний.

Если эту мысль митрополита конкретизировать, тогда народы русский, украинский, белорусский, сербский, болгарский и т. д. могут быть исторически великими только в том случае, если целью их существования будет коллективное осуществление евангельских заповедей. Без этого и державность, украинскость и русскость, и болгарскость превращаются в бессмысленный и пагубный шовинизм. Если национальное самосознание силой евангельских подвигов не поднимется до православной вселенскости, оно должно задохнуться в своем эгоистическом шовинизме. Что действительно для Украины, к примеру, то действительно и для остальных православных народностей. Народы проходят, Евангелие вечно. Насколько народ наполняется вечной евангельской Истиной и Правдой, настолько и сам существует, сам становится и останется вечным. Только такой патриотизм

может быть оправдан с евангельской православной точки зрения. Это патриотизм святых апостолов, святых мучеников, святых отцов. Когда царь-мучитель спросил святых мучеников Акиндина, Пигасия и Анемподиста, откуда они, то они ответили: «Спрашиваешь ли нас, царь, об отечестве нашем? Наше отечество и жизнь наша есть Пресвятая, Единосущная и Нераздельная Троица: Отец, Сын и Святой Дух, единый Бог»[\[10\]](#).

Блаженный митрополит Антоний – один из самых одаренных представителей русского православного патриотизма прошлого столетия, патриотизма освященного и просвещенного Христом, патриотизма, по которому все люди – братья во Христе, патриотизма, по которому сильные должны служить слабым, мудрые – немудрым, смиренные – гордым, первые – последним. Выросши из святоотеческого православного вселенского патриотизма, блаженный владыка может быть правильно оценен русским обществом и Русской Церковью только из той же апостольской святоотеческой перспективы.

Святой преподобный Иустин Сербский говорил, что в лице митрополита Антония имел самого доброго своего духовника. Всегда православно настроенный, владыка собирал иностранных православных под широкие крылья своей великой русской души, как птица собирает птенцов под свои крылья, и много раз он ощущал силу его всеправославной любви, потому что из него исходила некая умирительная всеобъемлющая сила, которую он называл православной вселенскостью.

Главную часть ПБ митрополит Антоний видел не в перечислении отдельных должностных отпращиваний священника, но в пастырской аскетике, то есть в обстоятельном и ясном богословски обоснованном показании, во-первых, самого зарождения этого пастырского духа (настроения), во-вторых, его дальнейшего развития и конечных исходов и, в-третьих, его проявления в деятельности.

Лекции митрополита Антония и его статьи по пастырскому богословию, первоначально печатавшиеся под инициалами С.С.Б., что означало «Служитель Слова Божия», влили совсем новую струю в эту науку. В вышедшем в 1957 году во Франции курсе лекций архимандрита Киприана (Керна) по пастырскому богословию эти лекции называются «действительным событием в истории этой науки». Он справедливо пишет, что владыка Антоний, тогда молодой архимандрит, «поистине сделал весну в истории русской духовной школы вообще и пастырского богословия в частности»[\[11\]](#).

Он продолжал делать такую весну и после того, как покинул профессорскую кафедру. Будучи архиеером, он продолжал преподавать ПБ подчиненному ему духовенству, ибо в его изложении это была не просто наука, а уроки жизни.

Митрополит Антоний не только указывал те же источники науки пастырского богословия, какие можно найти в предшествующих ему руководствах, но к принципам теоретического руководства он присоединил начала живого пастырского опыта. Он указывал на то, что одной книжной начитанности недостаточно, что надо изучать жизнь непосредственно.

В пастырстве основное значение имеет молитва. Митрополит Антоний называет ее «главным средством к получению духовных даров». Пастырь, по его словам, «путем долговременного подвига должен создать в себе молитвенную стихию – способность возноситься к небу, в загробный мир и быть там как бы своим человеком»[\[12\]](#). Надо сказать, что эти слова были, несомненно, приложимы к самому митрополиту. Он замечательно знал жития святых, и, слушая его суждения о них, иногда можно было подумать, что он говорит о своих добрых и близких знакомых. Недостаточно только иметь известные убеждения, нужно быть человеком идеи. Серьезность рассматриваемой задачи священника, по митрополиту, представляется тем, что жизнь – общественная, народная, товарищеская – не так часто восстает против истин веры, сколько подвергает сознательному изгнанию ту или иную нравственную обязанность, прямо даже осмеивает ее. Выдержать преданность истине теоретической легче, нежели держаться неуклонного исповедания какой-либо добродетели. Мусульманство и иудейство, папизм сильны тем, по мнению владыки, что своими обрядовыми постановлениями делают последователей своих непременно исповедниками и таким образом закаляют их в преданности своей религии. «Книжники и фарисеи никогда не решались усомниться в бытии Божьем или в исполнении пророчеств, но Господь называл их сынами дьявола и чуждыми Отца (Ин. 5, 37), потому что они хотели творить похоти исконного человекоубийцы. Потому они и возненавидели Христа, не приняли Его, что не искали славы, которая от Бога (Ин. 5, 44), хотя и не изменяли верности Его имени. Они ненавидели Христово смирение, смеялись над ним, потому что были корыстолюбивы (Лк. 16, 14), стали Его врагами, потому что ненавидели его добродетель. Напротив, псалмопевец с особенною силою прославляет того мужа, который ненавидит путь нечестивых (Пс.1), почитает себя противником кровожадных (Пс.138, 19), ужасается при виде оставляющих закон Божий (Пс.118, 53) и не забывает закона, когда сети нечестивых окружают его (ст. 61).

«Кто не со Мной, тот против Меня и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11, 23), - сказал Господь. Труден путь к Нему, невозможным и невероятным представляется тесное общение с Ним для того, кто много раз от Него отрекался. Именно к такому человеку относятся слова Апостола: «...невозможно отпавших опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божьего и ругаются Ему» (Евр. 6, 6). Конечно, Бог простит омытый раскаянием грех, но мысль заключается в том, что одно покаяние еще не возвратит человеку прежней духовной целостности, а восстанавливать ее придется многими трудами и долгими скорбями, как это делала Мария Египетская. Апостолы, покинувшие Иисуса Христа, не могли долго поверить Его воскресению, а верные Мироносицы сразу признали Явившегося»[\[13\]](#).

Если уклонение от исповедания веры приводит пастыря к печальным последствиям, то наоборот, постоянная верность слову Истины сообщает ему неоценимое сокровище духовных благ. Постоянство создает в христианине ту целостность нравственного характера, ту гармонию всех его сторон, по которой возможно узнать человека религиозного без фанатизма, без болезненной раздражительности или бездеятельного оцепенения, квиэтизма. Правила христианской добродетели и истин веры служат для него неизменным мериллом при оценке и явлений жизни, и произведений мысли, и самих людей. Постоянная привычка давать себе отчет в нравственной качественности всякого воздвигаемого в общественной жизни знамени развивает в нем чуткий вкус для иногда мгновенной оценки людей или явлений трудноопределимых или лицемерных. Христианская совесть, поставленная высшей целью наших дел и слов, приобретает ту исключительную ясность и чуткость, которая при содействии Божественной благодати учит людей читать в сердцах, а в явлениях жизни, встречах или предприятиях – сейчас же усматривать пользу их или вред для спасения, считает митрополит Антоний.

* * *

Приготовление к принятию таинства священства для будущих пастырей должно состоять, согласно словам митрополита, в благоговейном созерцании, в сердечном переживании величия, важности служения иерейского и той ответственности за паству, которую берет на себя будущий пастырь. Для лучшего понимания проблем современной паствы митрополит Антоний хотел от пастырей знакомства с литературой, которая изображает человеческие переживания, его чувства, искушения, падения и восстания в современной обстановке. Литература является одним из важнейших источников познания

человеческой души, столь важного для врачевства. Поэтому сам владыка относился с интересом к светской литературе, которую знал очень хорошо. Особенно подробно он изучил русских классиков Пушкина и Достоевского. Все это он считал важнейшим материалом для проповедничества пастыря.

Сам митрополит Антоний (Алексей) произнес свою первую проповедь в 1882 году на тему призвания духовно-учебных школ, вторую проповедь он произнес летом 1883 года в имении родителей в церкви села Ватагино в годовщину сибирской моровой язвы о том, почему Господь попускает наказания. В 1885 году там же им была произнесена проповедь на праздник Богоявления. Первые юношеские проповеди были отличными образцами гомилетического жанра, где, по мнению архиепископа Никона (Рклицкого), нашли свое отражение «богословские воззрения А.П. Храповицкого», с особым вниманием к пастырскому и нравственному богословию.

Большого внимания заслуживает четвертая проповедь – в храме МДА в 1885 году в день 100-летия со дня кончины равноапостольного Мефодия. В ней он сумел не только выразить значение подвига великих просветителей славян, но и непреходящее значение проповеди и просветительства для всякого христианина, тем более для пастыря: «...их завет для всех учителей веры стоять за истину, за Христа, невзирая ни на внешние препятствия, ни на гораздо труднейшие препятствия внутренние, на малодушие, маловерие, скудость любви и прочее, но подвизаться на святейшем из всех служений, - на служении апостольском, просветительском, подвизаться до последнего издыхания, до последней капли крови, претерпеть всякую обиду, всякую внутреннюю муку... И это будет не подвиг, не милость наша, но наш долг, которым мы себя связали с праведным Судией, приняв воспитание от Его Церкви, запасшись теми нравственными, умственными и научными силами, которыми наше духовное образование так далеко опережает светское»[14]. В проповеди чувствовалось влияние русской литературы с высокой нравственной требовательностью и обращением к внутреннему миру простого человека, она явилась его жизненной позицией. «Потому-то столь немногие из нас остаются верны своей просветительской миссии, что естественному человеку малою кажется внутренняя правда Христова учения: ему нужно, чтобы она торжествовала в том обществе, которое сильно на земле, ему стыдно упомянуть имя Христово в светской печати, ему стыдно положить на себя крест в веселом обществе, ему не удержаться от какой-нибудь пошлой псевдолиберальной фразы в мире фразеров – он в жизни поклоняется не единому Богу, но тому началу, которое представляется ему одолевающим в

данный миг... Ужели, братие и товарищи, и нам предстоит та же участь?...»[\[15\]](#)

Его наставления пастырям полны указаний в области молитвы. Нельзя не упомянуть здесь его замечательную статью «Письмо к священнику о научении молитве»: в кратких словах здесь даются многочисленные практические советы, важные для каждого христианина.

Митрополит Антоний очень трезво смотрел на задачу приходского священника. Будучи сам молитвенником и аскетом, будучи идеологом монашества, который многих молодых людей увлек на иноческий путь, владыка понимал, что перед приходским священником стоят такие практические пастырские задачи, что он не должен отрываться от них ради своего личного молитвенного подвига монашеского характера.

В виде пастырской аномалии лиц с самыми лучшими намерениями митрополит Антоний указывает на людей, которые смотрят на пастырское служение не как на «духовное сочетание пастыря с паствой, а как на подвиг послушания в смысле только исполнения известных обязанностей и правил без усвоения духа пастырского». Такие люди, по его словам, «при всей ценности своих нравственных качеств являются для паствы тяжелыми, чиновниками». Митрополит замечает, что прав был святой Иоанн Златоуст, говоривший, что многие пустынножители, достигшие высших созерцаний, могут оказаться совершенно жалкими и непригодными, когда поставляются на свещнике пастырском. Владыка предостерегал приходских пастырей, что они не достигнут своей цели, если ограничатся тем, чтобы отдать себя руководству современных «книг по подвижничеству». «При всех своих несомненных достоинствах они едва ли дадут ему все желаемое, а лишь одну половину, то есть откроют путь к чистоте, Богомыслию, но не к тому, чтобы душа его стала отзывчива на все духовные нужды ближнего». Владыка, конечно, хотел, чтобы и белое духовенство знало и читало аскетические творения отцов, но добавлял, что «в белом духовенстве дух пастырства воспитывается более в семейной их жизни или через непосредственное общение с прихожанами и добрыми людьми, нежели путем нарочитого чтения».

Тайна блаженного митрополита Антония, считал сербский святой, преподобный отец Иустин (Попович), – в безграничной любви его ко Христу. Раскройте любую мысль владыки или чувство, или желание, или дело — везде вы найдете как творческую силу его безмерную любовь ко Христу. Он жил и действовал Господом Христом, поэтому все, что принадлежит ему, можно

привести к Богочеловеку. Биография митрополита Антония — это Евангелие, возобновленное в малом. В действительности, в мире существует только одна биография, которая имеет вечную ценность — это биография Богочеловека-Христа; а человеческие биографии ценны постольку, поскольку они в ней и от нее. Блаженный митрополит Антоний весь в ней и весь от нее. Тайна его необычайной личности выросла в тайну Личности Богочеловека и разветвляется во всей Ее бесконечности.

Обращенная к миру, безграничная любовь митрополита ко Христу обнаруживалась как благодатное человеколюбие. Его трогательное человеколюбие — ни что иное, как его молитвенная любовь ко Христу, распространенная на людей. Он человеколюбив, потому что безгранично христоролюбив, и для своего человеколюбия он черпал силы из своего неустанного христоролюбия. Бог Человеколюбец учил его человеколюбию и давал ему благодатные силы, чтобы он мог устоять в нем ценою многих страданий. Владыка любил человека и при его грехах; он никогда не отождествлял греха с грешником; он осуждал грех, но миловал грешника. В своей любви к человеку он никогда не терял сил, никогда не ослабевал, потому что он любил человека Христом и во Христе. Очень трудно сейчас по-евангельски истинно и постоянно любить людей, если Бог не даст вам благодатной силы и благодатной любви. Человеческая любовь к людям быстро увядает, если она не питается Богом, а истинное человеколюбие возможно только через истинное боголюбие. Этому нас учит Сам Спаситель, делая вторую заповедь зависимой от первой. Более того, Господь все Свои Божественные заповеди свел к двум: к заповеди о любви к Богу и к заповеди о любви к человеку. Так Он говорит, что на этих двух заповедях утверждается весь закон и пророки. Потому все то, что относится к пророкам, апостолам и мученикам, то относится и к нашему великому христоролюбцу и человеколюбцу блаженному митрополиту Антонию, так как он весь, всю свою личность, всей своей пастырской деятельностью утверждается на этих двух заповедях.

На наш взгляд, митрополит, безусловно, — исключительное святоотеческое явление прошлого столетия. Через наш бурный век он прошел евангельски кротко и апостольски бесстрашно, как через четвертый век прошли великие отцы Церкви, такие как Афанасий, Василий, Григорий. Отцы Церкви отличаются от нас не природой, но христианской волей. Чтобы уподобиться им, нам необходимо, по словам св. Серафима Саровского, два качества: решимость и усилие воли. Такая тайна показана в Евангелии Бога Сына. Она безостановочно протекает через апостольство апостолов, через мученичество мучеников, через подвижничество подвижников. Она непрерывно протекает

через Православную Церковь, через Ее единственность, святость, вселенскость и апостольство. Эта же святая тайна преемственно продолжается с исключительной силой и через святоотеческую личность митрополита Антония.

Он всем своим существом вырос из святых отцов, поэтому и его личность, его жизнь, его труды единственно могут быть объяснены святыми отцами. Неустанно подвизаясь святоотеческими подвигами, он евангельскую любовь, кротость, смирение, милосердие претворил в свою привычку, в свою природу. Претворить же Евангелие в свою природу – это и есть смысл человеколюбивого существования в этом мире, и митрополит Антоний в этом учитель. Приобретая подвигами евангельскую сострадательную любовь к людям, он жил ею и творил ею. В этом была его чудотворная сила, его чудотворное могущество.

Тайна личности митрополита Антония – тайна всех великих монахов, так как здесь человек отрекается от себя ради Христа для того, чтобы через Христа вновь соединиться с собой; отрекается от мира ради Христа для того, чтобы через Христа вновь соединиться с миром; отрекается от людей ради Христа для того, чтобы через Христа вновь соединиться с людьми. Нет ничего более страшного для человека, чем быть непосредственно с самим собой; и ничего нет неприятнее для человека, чем быть непосредственно с людьми; и ничего нет печальнее для человека, чем быть непосредственно с миром. Только тогда, когда человек примет Господа Христа как посредника между собой и людьми, между собой и миром, между собой и самим собой, тогда его печаль претворяется в радость, отчаяние – в восхищение и смерть – в бессмертие; тогда горькая тайна мира претворяется в сладкую тайну Божию, говорил преподобный Иустин Сербский. Поэтому в душе человека создается молитвенное отношение не только к Богу, но и к многострадальной твари. Поэтому Христов человек должен быть воодушевленным молитвенником. Таков был блаженный митрополит Антоний. Везде он был в молитвенном настроении – и к Богу, и к людям, и к миру.

Умиленный сострадательной любовью к миру, владыка получил от Бога дар слез. Он плакал от умиления, плакал от печали, плакал от радости, особенно в конце жизни. Мир того времени был полон причин для плача и скорби, и всегда молитвенно настроенный, блаженный владыка особенно лил слезы, совершая Божественную литургию. А когда приходилось ему в проповеди коснуться некоей евангельской притчи или события, слезы его душили и спазмы задерживали течение речи. В своей всеобъемлющей, сострадательной

любви он плакал за нас и вместо нас, плакал за всех и за вся и тем привлекал ко Христу.

В новейшее время никто не оказал такого сильного влияния на православную мысль, как блаженный митрополит Антоний. Он перевел православную мысль со схоластически-рационалистического пути на благодатно-подвижнический путь. В то трудное время владыка показал и доказал, что сила и бессмертие православной мысли – в святоотечестве. Догматические истины даны нам для того, чтобы мы претворили их в жизнь и в наш дух, так как они, по словам Спасителя, суть Дух, Истина и Жизнь. Так, митрополит писал, что Истина Божия постигается не иначе, чем путем постепенного усовершенствования в вере и добродетели. Потому это познание по существу связано с нашим внутренним перерождением, с совлечением ветхого человека и с облечением в нового.

Митрополит оживил святоотеческое богословие и показал, что христианская вера является Православием, святоотеческой святостью и апостольством. Ничто так не чуждо Православию, как безжизненная схоластика и рационализм. Православие прежде всего и больше всего – благодатная жизнь и опыт, а через это благодатное богопознание и благодатное человекопознание. Православная Церковь охватывает всю жизнь во всей ее сложности, в ней нет места для злобы и греха. Владыка пишет, что вся наша жизнь должна быть продолжением тех богослужебных молитв, которые всем нам так дороги.

Только молитвенная жизнь в Боге дает правильное понимание о Боге. Эту великую истину Православия митрополит Антоний познал в молитвенном единении со всеми святыми. И вместе с ними он пережил в себе, как свой собственный опыт, вселенский опыт – чувство и сознание Церкви, превосходящую все любовь Христову. Святой преподобный Иустин Цетинский пишет, что только великий монах мог стать великим иерархом, так как великий монах при помощи благодати Божией может совладать со своими страстями и богомудро владеть своею душою. Это дает ему силу и могущество, уменье и любовь, и право евангельски владеть человеческими душами. «Сущность христианства, – говорит наш великий иерарх и монах, – есть отречение от житейских наслаждений; оно замечается в стремлении к чистоте, в готовности страдать за Истину, в достижении чувства постоянной любви к Богу и к людям, и в прощении врагам обид». «Постоять за Истину невозможно без скорбей и лишений»[\[16\]](#).

В Православии и теперь имеет полную силу все то, что было во времена св. Григория Богослова, который предписывает, что надо в первую очередь очистить себя, а затем очищать других; надо сначала себя наполнить мудростью, а затем уже других просвещать; надо сперва себя приблизить к Богу, а затем и других приближать; нужно прежде всего освятить себя, а затем уже и других освящать.

* * *

При существовавшем во времена до митрополита Антония взгляде, что пастырское служение есть не более чем совокупность ряда обязанностей, а именно обязанностей учительства, священнодействия и управления, значение пастырского богословия как науки отвергалось, и на первом месте в ряду специально пастырских наук ставилась гомилетика; к ней же обычно, как некое дополнение, присоединялось «Пастырское учение» или «Пастырские сведения» в духе нашей «Книги о должностях пресвитеров приходских», составленной во второй половине XVIII века. Сама же гомилетика излагалась весьма схоластично: главное внимание обращалось на строгое соблюдение чисто внешних форм и правил при составлении проповеди. Образцовой, идеальной проповедью и считалась именно такая проповедь, которая была составлена с соблюдением всех этих внешних формальных правил.

Предмет гомилетики приобретает особый дух и значение, далекие от прежней формалистичности и схоластики, со времени митрополита Антония, который первым в своих лекциях по ПБ ясно указал, что пастырское служение – это не только совокупность известных прав и обязанностей, но «единая цельная внутренняя настроенность» духа человеческого, облагодатствованного особым даром в таинстве священства, и что успех пастырской деятельности зависит именно от этой настроенности, а следовательно, и учительство пастыря, его проповедническая деятельность также зависит прежде всего от этой именно пастырской настроенности. Теперь мы уже ясно видим, что не пастырское богословие как некое малозначительное дополнение надо присоединять к гомилетике, а, наоборот, вся гомилетика скорее должна рассматриваться как вспомогательная относительно науки пастырского богословия, ибо проповедничество, учительство есть часть пастырского служения, и оно постольку может быть успешным, поскольку проистекает из общей должной настроенности пастыря как человека, облагодатствованного особым благодатным пастырским даром.

Блаженный владыка пишет о себе: «Мое учебное делание не было системой по строго определенным принципам, – это была самая внутренняя жизнь моя, это было самое дыхание моей духовной жизни, это было мое хождение перед Богом, низведение и созерцание Его всемогущей благодати»[\[17\]](#). То, что митрополит Антоний сказал о своем друге епископе Михаиле прежде всего относится и к нему самому: «То был дух великий, дух апостольский, который простирался далеко за пределы своей личной жизни и в стремительном порыве любви и сострадания желал всех людей, всю вселенную охватить собою и, очищая всех молитвенным пламенем, вознести ко Христу. Поистине, преосвященный Михаил был одним из тех немногих людей, которые едва замечают окружающую внешнюю действительность жизни и, обращаясь среди нее, исполняя дела своего звания, на самом деле бывают заняты всегда одною мыслию, одним чувством – скорбью за грешный мир, пламенным желанием общего спасения и блага, которые желают "всем быти вся, да всяко некия спасут"»[\[18\]](#). Идеал пастыря, который изображает митрополит, нашел свое полное осуществление в нем самом: пастырское служение состоит в полном слиянии пастырской души с нравственной жизнью каждого человека, в переживании сострадательной любовью нравственной жизни, нравственной борьбы своей паствы, в скорбях о грехах своей паствы как о своих личных грехах, в молитвах за свою паству. Для такого пастырского подвига дает силы и возможность Сам Пастыреначальник – Господь Иисус Христос.

Подвижническая личность блаженного митрополита Антония имеет огромное значение для всего православного мира тем, что он – святоотеческое явление в прошлом столетии, одно из немногих, и что он святоотечески воспринял вселенскость Православия. Ему одинаково были близки и дороги и православные сирийцы, и православные греки, и православные болгары, и православные румыны, и православные сербы. В его огромной душе находилось место для всех православных, и он всех привлекал своей безграничной любовью. Для всех он был всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Вот апостольская и православная истина: народ имеет ценность только через Православие и в Православии. Без этого народ – без вечной ценности. Или еще: народ без Православия – ни что другое, как только вереница ходячих трупов. Никто из наших современников так евангельски, так святоотечески, так православно не воспринял отношение Православия к народностям, как митрополит Антоний, – писал святой Иустин Сербский. Народ существует для того, чтобы он был освящен и просвещен вечной Истиной и вечной жизнью Православия. Единственное, что велико и вечно во всяком народе – это Православие и в нем Господь Христос.

Россия велика Православием – это основное положение митрополита. Православие – самая высшая ценность России, единственный смысл Руси, возвышеннейшая ее миссия. Из вселенского Православия русский народ черпает свое безграничное человеколюбие и свою евангельскую способность перевоплощаться в другие народы, принимать в себя другие народности, не теряя при этом свою русскость. Вера русского народа в том, говорил митрополит, что народ принял к сердцу две главные, всеобъемлющие заповеди Евангелия: смиренномудрие и сострадательную любовь; и эти заповеди сделали близкими русскому сердцу все православные народы и затем все человечество. Митрополит Антоний сопереживал с другими людьми их жизнь, входил в их душу, страдал их страданиями, печалиться их печалью, болел их скорбями, исполненный безграничной сострадательной любовью евангельской.

* * *

6/19 ноября [1920](#) года в Константинополь прибыло свыше 125 кораблей, на которых было около 1500000 человек, в том числе и митрополит Антоний. Он считал, что попечение о духовном устройении русских православных людей должна взять на себя прежде всего Константинопольская Церковь и Поместные Церкви, однако в связи с сохранением военной организации генерала П.Н. Врангеля в эмиграции 22 декабря 1920 года Вселенская Патриархия издала грамоту №9024, где русским иерархам предоставлено право окормлять три миллиона беженцев во всем мире[\[19\]](#).

В Сремских Карловцах, в Югославии 8/21 ноября 1921 года состоялся первый Русский Заграничный Церковный Собор под председательством митрополита Антония, где было определено отношение к происходящим событиям на Родине и выпущено воззвание к пастве за Веру, Царя и Отечество, создано Высшее Церковное Управление Заграницей.

В 1922 году ВЦУ, по указу Патриарха Тихона, было упразднено, и из-за отсутствия связи с заключенным под стражу Патриархом создано временное синодальное управление РПЦЗ. С этого времени по 1936 год митрополит Антоний был председателем Синода, неоднократно выступал в защиту Русской Церкви от гонений на Родине, в защиту Патриарха от безбожной власти, от вмешательства Константинопольской Патриархии в дела Русской Церкви, особенно после признания обновленческой церкви на Родине и введения так называемого «нового стиля», от расколов и нестроений в

Западной Европе и в Северной Америке, неминуемо последовавших в связи с ломкой церковного устроения в Российской империи.

Несомненно, что мысли и деятельность митрополита Антония показали в настоящее время свою актуальность, в связи с происшедшим объединением Русской Церкви в 2007 году, а материалы данной статьи могут на практике быть использованы для дальнейшего изучения его деятельности, помня, что он был духовником и сподвижником с уже прославленными Церковью его учениками святыми Иоанном Шанхайским и Сан-Францискским, Иустином Сербским, священномучениками Варлаамом и Андроником Пермскими. Митрополит Антоний внес огромный вклад в формирование современной науки ПБ, произведя собственно выделение науки ПБ из Практического Богословия и возврат отечественной науки ПБ от западного и латинского влияния к святоотеческим истокам, отказ от смешения с такими науками, как литургика, гомилетика и каноническое право. Владыка сделал огромный вклад в сохранение церковности русского народа и русской государственности, имея ввиду его монархические взгляды на государственный строй Руси.

---

[1] Статья подготовлена по материалам архива Иово-Почаевской типографии в Джорданвиле и богословской конференции по трудам митрополита Антония в Свято-Троицкой семинарии, информация на сайте www.hts.edu

[2] Пастырское богословие. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994. стр.148,149.

[3] Преосвященный Антоний (Обстоятельный разбор Полного собрания сочинений всех трех томов). Е. П. Б-в. Петрозаводск, 1900. стр.53.

[4] там же, стр.54.

[5] там же, стр.55.

[6] там же, стр.61.

[7] там же, стр 62.

[8] Такие критики, как протоиереи Василий Зеньковский и Павел Флоренский, которые говорили о чрезмерности морализма митрополита Антония и его трагическом образе, а также такая критика, как отношение митрополита к имяславию и Декларации 1927 года. Однако за время ректорства в двух академиях из 60 его постриженников большинство впоследствии стало архиереями, хотя были и такие, как обновленец В.И. Мещерский, см. Источники: Православная Энциклопедия, том 3, М.,2001, стр. 650; РПЦ 1925-1938 Сретенский м. 1999, стр.401.

[9] Авва русского зарубежья. Православная Жизнь. Джорданвилль. 2003. стр 7.

[10] Жития Святых. Четьи-минеи. М.

[11] Православное пастырское служение п.а.Киприан (Керн) Париж, 1957, стр.13.

[12] Пастырское богословие. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994. стр.160.

[13] Пастырское Богословие, печ. Мон., стр.66, 67.

[14] Антоний (Храповицкий) Слова, беседы и речи... Стр.377.

[15] Антоний (Храповицкий) Слова, беседы и речи... Стр.381, 382.

[16] Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита. Н-Й. 16 томов(1952-1974).; том 5, стр. 34, Антоний (Храповицкий), архиепископ. Собрание сочинений. ИздаСанкт-Петербург. 1911.; Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863 – 1936. Издательство братства Александра Невского. Н-Новгород. 2003.

[17] Там же, стр.57.

[18] Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита. Н-Й. 16 томов(1952-1974).; том 5, стр. 7.

[19] Письма Блаженного Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль. Н-Й. 1988. стр.82.